

В квартире.

Чжоу Или только проснулся и был в хорошем настроении. Дома он одевался небрежно: свободная чёрная безрукавка, широкие шорты и несколько торчащих синих прядей на голове. В таком виде он уже собирался выйти.

Но внезапно остановился.

О чём Шэнь Цзисин собирался сегодня с ним поговорить?

...Разумное объяснение, кажется?

Рука, лежавшая на дверной ручке, отпустила её. Чжоу Или одной рукой задрал край майки и снял её через голову, обнажив крепкую, прекрасно сложенную верхнюю часть тела.

Напевая от хорошего настроения, он направился в гардеробную.

Полчаса спустя —

появился элегантный и роскошный молодой господин. Чёрная шёлковая рубашка переливалась в полумраке, рукава были небрежно закатаны до привлекательных локтей, а на запястье сияли платиновые часы Patek Philippe с синим звёздным небом.

Казалось, даже пылинки вокруг него светились.

Он изящно направился к гостевой спальне и высокомерно пнул дверь:

— Ну, говори. Как собираешься объясняться?

Ответа не было.

Надменное выражение Чжоу Или слегка застыло. Подождав мгновение, он нахмурился и толкнул дверь.

«...»

Он провёл языком по зубам и холодно хмыкнул:

— Отлично. Человека опять нет.

Спустившись вниз, Чжоу Или убедился, что в квартире не осталось и следа маленькой белой птицы.

Он не выдержал и рассмеялся от злости.

— Прекрасно.

— Значит, мой дом для него гостиница?

...

Прямой эфир УС был мучительно долгим и скучным.

Большинство присутствующих пришли ради разоблачений о Шэнь Цзисине, но их насильно заставили два часа смотреть презентацию новинок.

Журналисты устали держать тяжёлые камеры и на собственной шкуре поняли выражение:

деньги зарабатывать трудно, а дерьмо жрать ещё труднее.

— Брат Шэнь, вы правда не свяжетесь с супругами Герберт? — всё ещё тревожно спросил Сюнсюн.

Даже его не самый сообразительный мозг понимал, что Фан Сыцянь не станет бескорыстно помогать Шэнь Цзисину.

Супругов Герберт наверняка обманули!

Шэнь Цзисин отдыхал с закрытыми глазами и спокойно бросил:

— У меня нет их контактов.

Сюнсюн: «?»

Пэй Мин: «???»

Он указал на Фан Сыцяня на сцене:

— Этот парень не привёз сюда двух мошенников?

Шэнь Цзисину стало забавно:

— Вряд ли. Мы действительно кое-как связаны...

Но он явно не хотел объяснять, и Пэй Мин тактично не стал расспрашивать.

Всё равно скоро станет ясно.

Наконец презентация новинок закончилась.

УС отлично воспользовался чужой популярностью, и довольная физиономия представителей бренда заставила Пэй Мина холодно усмехнуться.

— Толку от этой рекламы, если никто ничего не купит?

Когда-то они отказали этому бренду, и тот, судя по всему, затаил обиду, постоянно строя им козни.

Пэй Мину было лень играть с ними.

Микрофон передали Фан Сыцяню. Он мягко улыбнулся:

— Перед завершением церемонии в честь второй годовщины элитного ювелирного бренда УС я хотел бы ненадолго занять ваше время.

Началось. Наконец-то.

Журналисты тут же снова подняли камеры.

— Думаю, все уже немного слышали об этой истории, — Фан Сыцянь выглядел мягким, вежливым и виноватым. — Я понимаю, что занимать общественное внимание нехорошо, однако всегда считал актёра Шэня своим наставником и вдохновителем. Раз уж мне случайно выпала возможность что-то для него сделать, я с радостью помогу.

Эти слова были безупречны и ещё сильнее укрепили его образ заботливого мужчины.

Но журналисты в зале думали:

«Хочется пальнуть по тебе из пушки».

Все были людьми из индустрии и прекрасно понимали его намерения. Два часа рекламировать новинки за счёт известности Шэнь Цзисина — кто получил выгоду, было очевидно.

В комментариях трансляции:

□Братик такой добрый и нежный, я плачу!»

□Он всё ещё считает Шэнь Цзисина своим наставником. Кто знает, сколько времени фанаты суперзвезды преследовали и ругали его. Братик, ты настолько хороший, что за тебя больно...□

□Фанфан всегда такой. Все остальные бегут подальше, а только он готов выступить. Фанаты Шэня действительно должны перед ним извиниться.□

□Смешно. У суперзвезды Шэня вообще ещё остались фанаты?□

□.....□

Фан Сыцянь взглянул на экран трансляции, и уголок губ едва заметно приподнялся.

— А теперь поприветствуем супругов Герберт.

Пэй Мин мгновенно выпрямился.

Шэнь Цзисин наконец открыл глаза и спокойно посмотрел в окно.

На сцену поднималась любящая пожилая пара. Господин Герберт не забывал поддерживать жену на ступеньках. Оба были одеты сдержанно и элегантно.

Их благородная манера и правда чем-то напоминала актёра Шэня.

Но родителями по крови они быть никак не могли.

Оба супруга Герберт были чистокровными французами с серебряными волосами и серыми глазами.

□Это шутка?»

□Пригласить иностранцев для оправдания? Актёр Шэнь совсем сошёл с ума?»

□Если они посмеют заявить, что Шэнь Цзисин их сын, я буду смеяться целый год. Что за нелепость: два француза родили чистокровного китайца?»

И они действительно это сказали.

Господин Герберт передал микрофон жене. Госпожа Герберт поправила изящную старинную шляпку с кружевами и на хорошем, но старческом английском сказала:

— Nova — наш ребёнок.

По залу прокатилась волна возгласов.

Экран трансляции заполнили вопросительные знаки.

Госпожа Герберт не умела читать по-китайски, но понимала вопросительные знаки.

Поэтому мягко и неторопливо объяснила:

— Nova — азиатский юноша, которого в нашей стране называли восточной звездой. У него красивое китайское имя — Шэнь Цзисин.

Глаза пожилой госпожи Герберт были мутными, но добрыми. Несмотря на возраст, она говорила совершенно искренне.

Даже насмешливых комментариев стало меньше.

«У него красивое китайское имя — Шэнь Цзисин».

Эту фразу она произнесла по-китайски. В её неловком произношении было что-то по-настоящему искреннее. Пэй Мин невольно посмотрел на Шэнь Цзисина.

Тот слегка опустил глаза. Его профиль казался тонким, как лёд, и никаких эмоций нельзя было разглядеть.

— Почему актёр Шэнь ваш ребёнок? — мужчина-журналист внизу взглянул на кого-то на сцене и задал вопрос по-английски.

В его тоне звучали насмешка и издёвка.

— Простите за прямоту, но вы двое вряд ли могли родить такого ребёнка, как актёр Шэнь.

В зале раздался смех.

Госпожа Герберт, словно глядя на шалящих детей, сохранила мягкое и доброе выражение.

— Nova — ребёнок, которого мы усыновили.

Эту фразу она неожиданно произнесла по-французски.

Журналист французского не знал и растерянно посмотрел на мужчину в белом костюме.

Фан Сыцянь доброжелательно перевёл:

— А, когда-то усыновлённый ребёнок?

Явное удивление в его голосе озадачило и зрителей, и супругов Герберт.

Этот юноша... разве не знал правду?

Госпожа Герберт нахмурилась, чувствуя неладное.

Затем услышала, как Фан Сыцянь с улыбкой продолжил:

— А почему потом вы отказались от усыновления? Актёр Шэнь что-то сделал?

Госпожа Герберт пошатнулась.

В её старых серых глазах появились боль и неверие, когда она посмотрела на китайского юношу перед собой.

Даже при всей мягкости и доброте она поняла: этот человек её использовал.

Что... он хочет сделать?

Разве он не друг Nova?

В этот момент микрофон осторожно забрали из её рук.

Старый Герберт повернулся к журналистам. В морщинистом лице ещё угадывалась прежняя красота, а старые серые глаза были тяжёлыми и решительными.

— Мы усыновили Nova двадцать один год назад. Ему было всего шесть лет. Он был красивым, послушным и разумным ребёнком.

— К сожалению...

Фан Сыцянь слегка прищурился.

Все затаили дыхание.

— Из-за наших обстоятельств мы не смогли продолжать заботиться о нём и растить его.

— Поэтому с болью вернули его на родину.

В глазах старого Герберта проступили красные слёзы. Он обнял жену за плечи.

— Но в наших сердцах он навсегда останется нашим ребёнком.

— Как любая любящая семья, мы всегда будем его опорой и тихой гаванью, к которой он сможет вернуться.

<http://bllate.org/book/18438/1762232>